

Он заметил, что реакция Чэн Синьюаня действительно превосходила его собственную. Когда Чжао Сюньюэ сталкивался с чужой печалью, например, с историей Цуй Чжи, у него был похожий опыт, и он мог понять чувства другого. Но когда он встречался с чужими страданиями, которых сам не испытывал, он терялся и не мог сдержать собственной печали. Его жизненный опыт был еще недостаточным, и у него не было сильного внутреннего стержня, чтобы выдержать все тяготы этого мира. Поэтому он не мог быть таким пронизательным и находчивым, как Чэн Синьюань. Похвала и лесть Чэн Синьюаня казались скорее утешением, успокоением, как он сказал вчера: цель приезда сюда с этими молодыми людьми — не заставить их «оплакивать тяготы народа», а научить их понимать мир и помогать другим.

Когда Чэн Синьюань закончил фотографировать и подошел обменяться парой слов с дедушкой, Чжао Сюньюэ и Ма Цюаньцюань собрали большую белую ткань, служившую фоном. После того как они отнесли продукты и вещи для малоимущей семьи в дом старика, вся группа села в машину и отправилась к следующему дому.

Бу Аньци вел машину, и Чэн Синьюань спросил его:

— Брат Бу, а чем занимается сын того дедушки в Сычуани?

— Я слышал, он рабочий на стройке, строит школы там, в Сычуане, в Вэньчуане.

— Школы для учеников...

Чэн Синьюань задумчиво повторил, и сидевший сзади Ма Цюаньцюань вдруг сказал:

— Строить школы — значит строить надежду.

Чэн Синьюань повернулся к нему и заметил, что Ма Цюаньцюань особенно серьезно относился к учебе, экзаменам и школам. Но он был прав: почему школы, построенные на благотворительные пожертвования, называют «Начальные школы “Надежда”»? Потому что там учатся дети, а дети — это будущее.

В машине было необычайно тихо, словно все еще находились под впечатлением от предыдущей встречи. Когда они добрались до следующего дома, Бу Аньци остановил машину и вышел первым. Здесь жил еще один пожилой дедушка, чей сын и невестка уехали на заработки в город, оставив его с шестилетним внуком.

Чэн Синьюань и его команда, как обычно, сфотографировали дедушку и уже собирались уходить, когда старик вдруг подтолкнул внука к ним и что-то сказал Бу Аньци. Тот перевел: дедушка хотел, чтобы они подстригли внука.

Чэн Синьюань улыбнулся:

— Без проблем! Наконец-то мое мастерство пригодится.

Он с радостью достал инструменты для стрижки: ножницы, расческу, машинку и большую ткань с вырезом посередине, которую накидывали на человека перед стрижкой.

Но внук не хотел стричься, крича «Не хочу!» и цепляясь за дедушку. Он не только сам не хотел стричься, но и пытался увести дедушку. Чэн Синьюань, держа в руках расческу и машинку, с доброжелательной улыбкой спросил:

— Что случилось, малыш? Боишься, что я плохо постригу?

Мальчик был упрямым, он уже ходил в школу и знал несколько слов на общепринятом наречии, поэтому он скорчил рожицу и закричал:

— Плохо, плохо! Не хочу, не хочу!

Дедушка заволновался и что-то быстро заговорил на местном диалекте. Чэн Синьюань не совсем понял, но уловил несколько слов, таких как «стричь» и «слушайся».

Мальчик упрямылся и в конце концов начал размахивать руками, чуть не плача. Кажется, все дети в детстве ненавидят стричься. Хотя через пару дней после стрижки они привыкают к новой прическе, сам процесс кажется им настоящей пыткой, и они изо всех сил пытаются сохранить эти бесполезные пряди.

Бу Аньци успокаивал ребенка на местном диалекте, а Чэн Синьюань, взглянув на Чжао Сюньюэ и Ма Цюаньцюань, вдруг придумал план.

— Эй, идите сюда!

Он крикнул им, не указывая, кому именно. Ма Цюаньцюань с удивлением показал на себя, а Чжао Сюньюэ даже не обратил на него внимания. Кажется, из-за вчерашнего и сегодняшнего происшествий настроение Чжао Сюньюэ весь день было не самым лучшим.

«Ну что ж, ты решил дуться?» Чэн Синьюань всегда был таким: чем больше на него злились, тем больше он хотел поставить человека на место. Он прямо сказал:

— Чжао Сюньюэ, иди сюда.

Ма Цюаньцюань удивился, взглянув на товарища, а Чжао Сюньюэ с недоумением спросил:

— Зачем?

— Иди сюда, быстрее.

Чжао Сюньюэ еще не понял, что происходит, но, подойдя, Чэн Синьюань с хитрой улыбкой посмотрел на его голову и сказал:

— Твоя прическа, конечно, бодрая, но стрижка не очень...

Чжао Сюньюэ догадался, что он задумал, и резко ответил:

— У меня короткая стрижка, под формы головы. Ты вообще можешь разглядеть прическу?

— Ха-ха, сказал же, что стрижка плохая. Садись.

Чэн Синьюань встряхнул ткань для стрижки, но Чжао Сюньюэ, конечно, отказался. У него и так короткая стрижка, если еще подстричь, он станет лысым. Даже в таком захолустье, как уезд Линьчэнь, где его никто не знал, он не хотел возвращаться в город после стажировки с головой, как у монаха.

Но Чжао Сюньюэ не успел сказать «Не хочу», как внук громко зарыдал. Его плач был душераздирающим, словно мир рушился вокруг. Дети часто так реагируют на мелочи, не понимая, что настоящая печаль — это когда слез нет.

Плач ребенка был настолько громким, что Ма Цюаньцюань закрыл уши руками. Чжао Сюньюэ

не ожидал, что мальчик будет так горько плакать, и, увидев, как слезы и сопли текут по его лицу, сжалился и послушно сел на стул перед Чэн Синьюанем.

«Вот так, малый, слушайся». Чэн Синьюань внутренне усмехнулся, накинул ткань на Чжао Сюньюэ и закрепил ее зажимом на шее.

— Эй, смотри, малыш, сейчас я сделаю из него красавца!

Чэн Синьюань крикнул ребенку, а Чжао Сюньюэ тут же предупредил:

— Только не стриги меня налысо...

Он хотел сказать «не стриги меня налысо», но не успел, как услышал жужжание машинки у себя за головой. Он замер, боясь пошевелиться или сказать что-то, чтобы Чэн Синьюань в порыве гнева не сделал его лысым.

Чжао Сюньюэ подумал, что Чэн Синьюань очень похож на капитана полицейского отряда, который способен на такое.

Внук, продолжая плакать, украдкой поглядывал на голову Чжао Сюньюэ, а дедушка на местном диалекте говорил «смотри, смотри». Чжао Сюньюэ напряженно выпрямился, беспокоясь о своей прическе, но стараясь выглядеть уверенным в парикмахере.

Когда его взгляд встретился с взглядом внука, он попытаться улыбнуться, но Чэн Синьюань сзади сказал:

— Не двигайся.

Чжао Сюньюэ замер, как будто его загипнотизировали. Он почувствовал, как рука Чэн Синьюаня коснулась макушки его головы. Чжао Сюньюэ, взрослый мужчина 24 лет, ростом выше 180 см, редко позволял кому-то трогать свою голову, и это вызвало странное ощущение. Это было что-то вроде давления, и каждая нервная клетка на его голове чувствовала силу этой руки, что-то необъяснимое и странное.

Ладонь Чэн Синьюаня была как душная, тяжелая шапка, надетая на голову. Чжао Сюньюэ подумал, что, возможно, эта рука давила на его нервы, а непрерывное жужжание машинки вызывало чувство замешательства. Рука Чэн Синьюаня продолжала двигаться на его голове, и это странное ощущение окутало всю голову Чжао Сюньюэ. Он одновременно надеялся, что Чэн Синьюань скорее закончит, чтобы не сделать его лысым, и чувствовал странное расслабление, которое разливалось по всему телу.

Через некоторое время машинка замолчала, и Чэн Синьюань крикнул:

— Готово!

Он положил машинку, взял маленькую губку и начал энергично вытирать шею Чжао Сюньюэ. Некоторые волосы не оттирались, и Чэн Синьюань вдруг дунул на шею Чжао Сюньюэ.

Внук, дедушка и Бу Аньци смотрели на них, и Чжао Сюньюэ больше не мог сидеть спокойно. Это дуновение было словно удар ножом, но нож был сделан из ваты, поэтому внезапная боль и мягкость удара одновременно охватили его. Он резко встал:

— Ты что делаешь?

Чэн Синьюань посмотрел на него, потянулся, чтобы снять ткань, но Чжао Сюньюэ инстинктивно оттолкнул его руку и с недоумением уставился на него:

— Зачем ты на меня дунул?

Чэн Синьюань подумал: «Неужели этот парень болен? Это же просто дуновение, почему такая реакция?» Но потом он заметил, что уши Чжао Сюньюэ покраснели.

«Чёрт, неужели шея — это чувствительное место этого парня?» Чэн Синьюань был удивлен и немного раздражен, поэтому просто проигнорировал его и сказал плачущему внуку:

— Малыш, смотри, стрижка готова. Ну как?

<http://bllate.org/book/16930/1559147>